

(ПП: Вообще это центральный, публичный и самый зрелищный этап свадьбы, когда жених и его свита отправляются из своего дома в дом невесты, чтобы официально «встретить» её и сопроводить в свой дом для проведения основной церемонии. Здесь это носит скорее ироничный характер)

- Это Чжоу-далан!

Лао Лю, перепугавшись, выложил всё как на духу, лишь бы снять с себя ответственность, и продал семью Чжоу с потрохами.

— Это старший сын семьи Чжоу, Чжоу-далан, — продолжал он, — После того как Нин-гер отказал ему и разорвал помолвку, он затаил обиду. Он нашёл меня и велел исподтишка распускать сплетни, чернить Нин-гера, говорить всякое... будто он водится с мужчинами, будто он нечист на руку и на нрав...

— Всё это правда, это семья Чжоу заставила меня! — почти взвыл Лю. — Я арендую у них землю, прошлогоднюю аренду ещё не выплатил. Он пообещал, что если я всё это устрою, то простит мне долг за прошлый год!

Среди собравшихся поднялся шум. Люди загалдели, переглядываясь, - теперь всё встало на свои места. Оказывается, Чжоу-далан, не сумев заполучить Нин-гера из семьи Е, затаил злобу и прибег к такой подлой уловке, решив исподтишка растоптать его доброе имя.

Чэн Чжао смотрел на происходящее с нескрываемым изумлением и пробормотал:

— Этот Нин-гер... Он ведь всего лишь гер, а рассуждает так чётко и хладнокровно, что даже старого Лю довёл до паники.

— Что, ты смотришь на геров свысока? — вдруг раздался за его спиной ровный, безэмоциональный голос.

Чэн Чжао вздрогнул. Юй Юань, как всегда, появился будто из ниоткуда. Обычно он не показывался на людях, скрытно охраняя Цзян Чансиня, и теперь его внезапное появление заставило Чэн Чжао покрыться мурашками.

— Да нет, я не это имел в виду, — поспешно сказал он. — Просто посмотри на остальных геров в деревне Цинтянь: они слова громко сказать боятся. А этот Нин-гер совсем другой. Такой спокойный, собранный, будто повидал большой свет.

Он сказал это вскользь, но Цзян Чансинь всё услышал. Стоя поодаль, он пристально смотрел на Е Нина, и в его душе медленно нарастало сомнение. Перед ним был человек необычайно умный и проникательный: его расспросы шли шаг за шагом, без суеты, с холодным расчётом, давление нарастало постепенно и неотвратимо. Это была вовсе не та беспомощная фигура, что

в прошлой жизни безропотно вышла замуж за семью Чжоу.

Будто... это был совсем другой человек.

Е Нин обвёл взглядом толпу, а затем остановился на лицах отца и матери и спокойно произнёс:

— Теперь-то вы, отец и мать, видите, кто здесь был неправ: ваш сын или же посторонние люди, что любят бездумно чесать языки и поливать других грязью?

Мать и отец Е не смели поднять головы. Они ворвались в лапшичную, не разбираясь ни в чём, и обрушили на Е Нина поток брани, наговорили самых тяжёлых и постыдных слов, заранее решив, что он распущенный, нечистый на руку, водится с мужчинами. И кто бы мог подумать, что возмездие настигнет их так быстро: теперь им казалось, будто щёки горят от пощёчин.

Отец Е, больше всего дороживший своей репутацией, опёрся на трость, опустил голову и, протиснувшись сквозь толпу, молча ушёл. Мать Е, лишившись опоры, растерянно посмотрела сперва вслед мужу, затем на Е Нина, а после тоже развернулась и побежала, словно спасаясь бегством. На ходу она ещё выкрикивала:

— Старик! Подожди меня! Подожди же!

Е Нин тихо вздохнул и покачал головой. Родители явились к его лавке, обругали его при всех, а когда правда всплыла наружу, не то что не извинились - не сказали ни слова в его защиту, хотя речь шла о чести собственного сына. Впрочем, он и не испытал особого разочарования: он изначально не питал иллюзий насчёт этих «родителей». Лишь одно стало для него окончательно ясно - из этого «дома» нужно уходить.

Зевак вокруг собралось немало, и Е Нин не собирался просто так проглотить обиду. К тому же это был удобный случай прорекламить свою лапшичную. Он давно подумывал начать продавать жареную сушёную рыбку и как раз эти дни угощал ею бесплатно, на пробу. Людей вокруг было много, лучшего момента и не придумаешь. Он вынес порционно разложенную рыбку и стал раздавать всем желающим.

Селяне и не мечтали, что за простое глазение им ещё и перепадёт угощение, и тут же ринулись вперёд, облепив лавку плотным кольцом. Так прошёл весь день, в суете и хлопотах. Поскольку в первый день торговля шла на удивление бойко, на следующий день Е Нин встал пораньше и сварил больше бульона, опасаясь, что его не хватит.

Чжан Чжиюань как раз пришёл к лавке, вытирал столы, расставлял скамейки, приводил всё в порядок, когда кто-то, крадучись, заглянул внутрь. Человек держался подозрительно: жался у входа, озирался по сторонам и выглядел так, будто пришёл не есть лапшу, а воровать.

— Кто там?! — Чжан Чжиюань выскочил наружу, и они уставились друг на друга, оба вздрогнув

от неожиданности.

— Тётушка? — изумлённо вырвалось у него.

И впрямь: таинственной фигурой, крадущейся с самого утра, оказалась не кто иная, как мать Е.

Е Нин слегка нахмурился, не понимая, зачем она явилась. Опыт подсказывал ему: пока он не видится с родителями, всё тихо и спокойно; стоит же им появиться, как жди беды.

— Нин-гер... — неловко улыбнулась мать Е, теребя уголок одежды и понемногу продвигаясь внутрь.

Е Нин негромко отозвался:

— Мама, зачем ты пришла? Утром дел по горло, в лавке суета, у меня нет времени принимать гостей.

— Да и не надо принимать! Не надо! — засуетилась мать Е, осыпая его заискивающими улыбками. — Нин-гер, насчёт вчерашнего... мы с твоим отцом и правда поступили необдуманно.

Вот уж диво. Мать Е пришла извиняться? Е Нин ни на миг не поверил, что она явилась с чистым сердцем. Будь у неё настоящие угрызения совести, она бы попросила прощения ещё вчера, когда всё выяснилось. Прошла целая ночь, неужели раскаяние вдруг замучило их только к утру?

— Твой отец... ему, понимаешь, неловко, — продолжала мать Е. — Просто у него язык жёсткий, он слишком дорожит своим лицом и не может унизиться перед младшим. Вот сегодня он даже в поле не пошёл, нарочно наготовил целый стол, велел позвать тебя домой на обед.

Она поспешно добавила, словно это было решающим доводом:

— Там будут яйца! Твои любимые! Отец для тебя два яйца пожарил, такие большие!

Е Нин ничего не ответил. Он лишь поднял стоявшую рядом корзинку и спокойно поставил её у очага. Внутри лежали яйца - не два, а с добрый десяток, даже больше двадцати.

Мать Е застыла, не находя слов.

На самом деле семья Е не была так уж бедна, они жили пусть и просто, но без нужды. Просто в

глазах родителей Е Е Нин и Е Чжу были всего лишь герами: сколько их ни корми, всё равно уйдут в чужую семью. Тратить на них хорошие продукты - значит «пускать добро на ветер». Лучшее, по их разумению, следовало отдавать единственному сыну: вот тогда ничего не пропадёт зря

Неловкость на лице матери Е не только не исчезала, но становилась всё гуще. Запинаясь, она заговорила:

— Ай-яй, Нин-гер, ну нельзя же тебе держать на нас обиду... Ты ведь плоть от плоти моей, из моего тела вышел! Пойдём же, пойдём, отец уже всё приготовил, только тебя и ждёт. Не то остынет! Ты посмотри на себя, небось с утра ничего не ел? Ещё желудок себе испортишь, потом и не оправисься. Пойдём, пойдём домой...

Е Нин не хотел уходить: на торговой точке его ждал целый ворох дел. Но мать Е и не думала отпускать - встала у очага, вцепилась намертво, униженно упрашивая и ни за что не желая уйти. Чем дальше, тем больше её голос дрожал, и она вот-вот готова была разрыдаться.

Чжан Чжиюань не выдержал и мягко сказал:

— Е Нин, может, тебе всё-таки сходить домой позавтракать? Я пока присмотрю за огнём на лавке. Поешь и сразу вернёшься, времени много не потеряешь.

— Вот-вот! — поспешно подхватила мать Е. — Поешь и сразу назад, что там тянуть? Ничего не упустишь. Пойдём же!

Е Нину ничего не оставалось, как снять фартук, привести в порядок одежду и выйти вместе с матерью Е.

Лицо матери Е тут же просветлело, от прежней неловкости не осталось и следа, напротив, в глазах мелькнуло возбуждение. Она потянула Е Нина за рукав:

— Скорей, скорей! Уже почти пришли, не мешкай, а то всё остынет!

Е Нина не покидало ощущение, что материнская услужливость слишком уж чрезмерна и вовсе не похожа на обычное приглашение на завтрак. Наверняка за этим кроется что-то ещё.

У самых ворот дома, прислонившись к косяку, стоял Е Чжу. Увидев Е Нина, он не скрыл дурного настроения, закатил глаза и с явной завистью, даже с кислой усмешкой, протянул:

— Ну надо же, Нин-гер соизволил вернуться? Отец! Нин-гер пришёл!

Из дома вышел отец Е, опираясь на трость. На его лице не было ни тени раскаяния, совсем не

похоже на человека, собравшегося извиняться. Он окинул Е Нина взглядом и холодно сказал:

— Вернулся, значит? Всё-таки помнишь дорогу домой? Целыми днями шляешься на виду у всех - на что это похоже?

Е Нин едва не усмехнулся. Отправили его в лапшичную они сами, и теперь же сами укоряют за «позор». Его язык не знал пощады, и он спокойно ответил:

— Разве не ты, отец, велел мне заниматься лавкой? Теперь ты же зовёшь меня обратно. Если у тебя нет ко мне дела, мне пора возвращаться, работы хватает.

— Ай! — вскрикнула мать Е и в отчаянии схватила Е Нина за руку. От спешки и силы она даже расцарапала ему тыльную сторону ладони.

— Сс... — Е Нин вздрогнул от боли и резко отдернул руку. На коже проступила кровавая царапина - до крови содрало.

— Ты!.. Ты!.. — отец Е, стукнув тростью, уже собирался разразиться бранью, но мать Е поспешно удержала его:

— Посмотрите на себя! Что вы устроили? Мы ведь позвали Нин-гера просто поесть горячего, по-человечески! Хватит, хватит ссориться!

Говоря это, она украдкой подала отцу Е знак глазами. И что удивительно, обычно в доме именно он был непререкаемым хозяином, а мать Е лишь поддакивала. Теперь же стоило ей строго взглянуть на него, как отец Е послушно умолк. Редкое зрелище.

Мать Е натянуто улыбнулась:

— Нин-гер, не обращай внимания на отца, у него характер, что у быка... ха-ха... Ты сначала сходи к себе, умойся, переоденься. Посмотри, весь в муче - из лавки ведь. Сейчас завтракать будем, иди-иди.

Е Нин не стал больше ничего говорить и повернулся к своей комнате, заодно хотел собрать кое-какие вещи, чтобы забрать их на торговую точку и больше сюда не возвращаться. Он открыл убогий шкаф, перебирая одежду, как вдруг - бух! Раздался громкий удар. Е Нин решил, что что-то упало, и резко обернулся, но увидел, как распахнутая дверь вдруг захлопнулась.

Клац! Сухой, отчётливый звук - дверь заперли снаружи.

Сердце Е Нина резко ухнуло. Он бросился к двери и изо всех сил потянул за неё обеими руками - безрезультатно. Дверь была заперта намертво, только глухо гремела в косяке.

Он тут же метнулся к окну, но и там его ждали. Бах! - окно с силой захлопнули снаружи, а затем послышалась серия ударов: тук-тук-тук - его заколотили досками.

Е Нин яростно забарабанил в дверь и в окно:

— Кто там?! Что вы делаете?!

В ответ раздался голос матери Е с самодовольной, почти довольной усмешкой:

— Нин-гер, сиди спокойно внутри, не дёргайся.

Голос Е Нина стал холодным, низким:

— Мне нужно вернуться к лавке. Откройте дверь.

Грубый окрик отца Е прозвучал без колебаний:

— Какая ещё лавка! Геру целыми днями шляться на виду у всех - мало тебе позора?! Я тогда отправил тебя туда лишь потому, что думал: всё равно ничего путного у тебя не выйдет. А ты, оказывается, только грязь всякую развёл! Сиди и жди, замуж пойдёшь!

Мать Е тут же подхватила:

— Вот именно, Нин-гер. Сиди спокойно и готовься к свадьбе. Вчера ночью старший сын семьи Чжоу сам пришёл к нам извиняться! Ох, он даже плакал, говорил, что подговорил старого Лю распространять слухи лишь сгоряча. Мол, не хотел, чтобы его будущий фулан на людях мелькал, вот и решился на такую меру!

Е Нин нахмурился:

— Какой ещё «будущий фулан»? Мы с семьёй Чжоу уже расторгли помолвку.

— Он пришёл с извинениями, чего тебе ещё надо?! — жёстко отрезал отец Е. — Будешь вечно цепляться к его ошибкам? Ты - гер с увечьем, и то, что семья Чжоу согласна тебя взять, - благословение, заработанное за восемь жизней! Или ты ещё смеешь выбирать?

— С сегодняшнего дня никуда не выйдешь. Будешь сидеть дома и ждать, пока семья Чжоу пришлёт сватов!